

Каждый раз, приходя в бамбуковую обитель Су Миньи, Гу Сяодун не мог сдержать изумления. Это место удивительным, почти непостижимым образом сочетало в себе благородную отрешённость от мира и изысканную роскошь. И ведь это было всего лишь временное пристанище молодого господина Су в чужих краях. Сложно было даже представить, до какого безумного великолепия доходил размах в его родной усадьбе.

В разгар летнего зноя в бамбуковом дворе обустроили тенистую галерею, густо оплетённую цветущими лозами. Сяодун шёл следом за Су Миньей, наблюдая, как сквозь густую листву на плечи того падают неровные блики блеклого солнца. На фоне удушающей жары Минья казался особенно бледным и болезненным, и это невольно пробуждало в сердце Сяодуна глубокую жалость.

В гостиной царила приятная прохлада. В хрустальном сосуде лениво покачивались лунные медузы, оставляя на воде едва заметную рябь, отчего сам Су Минья, стоявший рядом, казался почти прозрачным.

Слуги увели хозяина во внутренние покои переодеться и освежиться с дороги. К Сяодуну тоже подошёл слуга и вежливо предложил сменить платье, пояснив, что перед трапезой негоже осквернять пищу дорожной пылью. Сяодун впервые делил стол с Су Миньей, а потому беспрекословно подчинился местным правилам. Поясную подвеску смирения сняли вместе с расшитым кушаком.

Ему вспонилось вчерашнее застолье с Гэ Дунчэнем и Гуань Юньцзи. Дунчэнь, как всегда, держался просто и беззаботно, а высокомерный Юньцзи, хоть и кичился благородным происхождением, самолично грел вино без всяких церемоний. На их фоне быт Су Миньи выглядел в сотни раз утончённее.

Слуги Су не просто облачили Сяодуна в свежие одежды своего клана, но и вознамерились сами умыть ему лицо и руки. Когда он попытался забрать у них полотенце, на него посмотрели с таким искренним ужасом, будто он совершил святотатство. Пришлось смиренно протянуть ладони.

После всех этих приготовлений наконец подали обед. Сяодун, проголодавшийся до полусмерти, ел размашисто и с аппетитом. Он никогда не привередничал в еде, уплетая всё с искренним наслаждением. Су Минья же почти не притронулся к своим блюдам. Отложив палочки, он подпёр щеку рукой и заворожённо уставился на гостя.

Су Минья с детства был прикован к лекарствам и целебным отварам; его рацион состоял из пресной лечебной диеты со множеством строгих запретов, так что простые радости вкуса оставались ему чужды. Все в его окружении ведут себя точно так же. Появление живого, шумного и непосредственного Гу Сяодуна, сметающего всё со стола, ломало любые привычные рамки.

Сяодун был земным, простым — до того простым, что эта непосредственность обезоруживала любого изнеженного сноба.

Минья молча наблюдал, как тот с упоением расправляется с обедом. Слуга подал пиалу для полоскания рта и влажное полотенце. Сяодун прижал ткань к губам. Сытый и довольный, он слегка прикрыл глаза, словно хмельной от сытости. На его чистом, сияющем лице проступил мягкий румянец, а взгляд стал подёрнут сонной дымкой — в этот миг он выглядел ошеломляюще красиво.

Су Минья, искушённый ценитель, повидавший немало признанных красавцев, почувствовал, как дрогнули кончики его пальцев. Он впервые заметил, как преобразается этот вечно болтливый мальчишка, стоит ему умолкнуть. Ему одинаково шли и яркая, солнечная улыбка, и эта внезапная, трогательная беззащитность.

Ему вдруг пришло в голову, что Сяодун всегда представал перед ним весёлым. Каков же он, когда плачет?

Минья нашёл эту мимолётную мысль забавной и негромко рассмеялся.

Сяодун утёр лицо, окончательно стряхнув остатки сытой дремоты, и весело, без тени смущения улыбнулся:

— Чему вы радуетесь, молодой господин Су?

— Не тяжело в животе? — мягко осведомился Минья.

— Есть немного, — Сяодун смущённо потёр кончик носа. — Просто я впервые обедаю у вас, вот и расчувствовался, съел больше обычного. Дома я себе такого не позволяю.

— В таком случае не желаешь ли прогуляться и разогнать кровь?

Сяодун неловко потербил пальцы:

— А вам не нужно вздремнуть после обеда? Вдруг я буду мешать вашему отдыху?

— Ничуть, — ласково отозвался Минья, поднимаясь с места. — Полуденные часы я предпочитаю проводить за приятными забавами. Пойдёшь со мной?

— С радостью! — Сяодун вскочил на ноги, слегка поглаживая набитый живот. — А чем вы обычно развлекаетесь в это время?

Предупредительный слуга уже держал наготове длинный футляр. Открыв его, Су Минья достал изящную нефритовую флейту-сяо и спросил:

— Умеешь играть?

— Немного. Наставник по музыке показывал мне основы.

Минья велел принести ещё одну флейту и протянул Сяодуну инструмент из тонкого фиолетового бамбука.

Они покинули гостиную и вышли в глубокий внутренний двор. Сяодун ахнул: позади дома скрывался настоящий уединённый рай. Посреди тенистой бамбуковой рощи журчал округлый ручей, бьющий из живого источника, через который был перекинут изящный мостик, ведущий к просторной беседке.

Сяодун послушно следовал за ним шаг в шаг. Стоило им расположиться в беседке, как возникло ощущение, будто их укутало зелёное море бамбука. Вокруг умиротворяюще шелестели листья и плескалась вода. Прохлада и покой этого места мгновенно прогнали остатки полуденной вялости.

Су Минья повернулся к роще, поднёс нефритовую флейту к губам и извлёк первую, тягучую и чистую ноту. Сяодун замер, замороженный как самой мелодией, так и обликом музыканта.

Но вскоре его охватило беспокойство. Едва мелодия затихла, Сяодун придвинулся ближе и внимательно взгляделся в лицо Миньи.

Тот слегка прерывисто дышал. Опустив взгляд на мальчика, он тихо спросил:

— Что-то не так?

Его голос прозвучал чуть глубже обычного. Уши Сяодуна мгновенно порозовели. Неловко почесав затылок, он сбивчиво пробормотал:

— Да нет, просто... я вспомнил, что у вас с детства одышка. Эта нефритовая флейта слишком тяжёлая, с широким внутренним каналом. Звук у неё, конечно, густой и красивый, но она требует очень много воздуха. Боюсь, если вы будете играть долго, вам станет тяжело дышать.

Су Минья на мгновение замер, а затем негромко рассмеялся:

— Сяодун, ты всегда так печёшься о других.

— Ну, не о каждом, — Сяодун поднял на него сияющие глаза. — Вы ведь особенный.

Самый особенный.

Су Минья промолчал, лишь глядя на него глубоким взглядом.

— О, кажется, я понял! — Сяодун заговорщически склонил голову. — Дома вам, должно быть, строго-настрого запрещают играть на духовых инструментах? Родные так дорожат вашим здоровьем, что наверняка держат в ежовых рукавицах. А здесь, в академии, вы наконец-то вырвались на свободу и можете делать то, что дома под запретом!

В глазах Минья вспыхнули тёплые искры.

— А ты проницателен, — мягко подтвердил он.

От этой мягкой похвалы у Сяодуна сладко защемило в груди. «Он ведь меня хвалит, правда?» — подумал он и тут же озвучил свои мысли, заставив Су Минью снова улыбнуться:

— Да, наш Сяодун просто умница.

Сяодун сам не заметил, как вспыхнул до корней волос. Растерянно подняв свою бамбуковую флейту, он выпалил:

— Тогда я тоже сыграю! Правда, мне далеко до вас. Если выйдет совсем скверно, можете смело дать мне по затылку!

Он набрал в грудь побольше воздуха, отчаянно желая заслужить ещё одну похвалу, но первый же звук предательски сорвался на визг. Минья даже бровью не повёл, зато сам Сяодун прыснул со смеху. Смущённо замахав руками, он опустил флейту:

— Нет, молодой господин Су, лучше я сыграю для вас кое-что другое!

С этими словами он умчался из беседки, сорвал свежий бамбуковый лист, ловко сложил его пополам и пошёл обратно, извлекая из него звонкую, весёлую мелодию.

Су Минья наблюдал за ним: белое одеяние, зелёный листок у алых губ — это зрелище само по себе было усладой для глаз. Теперь он прекрасно понимал, почему остальные ученики Академии Широкого Благодеяния то и дело изводили Сяодуна. Все эти открытые нападки и издёвки были лишь неумелой маскировкой тайного влечения и жгучего вожделения.

Но сам Минья был устроен иначе. Он относился к Сяодуну так же, как к своим лунным медузам — просто любовался редким, изысканным экспонатом. С самой их первой встречи под дождём из опадающих цветов он разглядел в этом мальчишке неисчерпаемый источник эстетического удовольствия.

Ему было плевать, что думают о его «находке» неотёсанные мужланы вроде Гэ Дунчэня или

Гуань Юньцзи. Он вообще никого в академии не ставил в грош. Но сегодня вернулся Гу Цзиньюй.

Цзиньюй, признанный лучший среди сверстников, вызывал у Су Миньи неприязнь с самой первой их встречи. Он терпеть не мог этот его холодный, высокомерный взгляд — улыбка на губах, а в глазах абсолютное равнодушие и презрение ко всему миру. Право смотреть на людей свысока должно было принадлежать только ему, Су Минье.

К тому же они были ровесниками, и отцы то и дело негласно сравнивали их с самого детства. Семья Су стояла выше клана Гу по положению в обществе — Гу стремились к тем вершинам, на которых Су уже твёрдо стояли. Но крепкое здоровье и сила Цзиньюя были тем пределом, который болезненный Минья никогда не смог бы превзойти.

Цзиньюй получал всё, что хотел: место верного пса при наследной принцессе, статус наследного княжича дома Гу, будущую роль лидера нового поколения. Перед ним простирался блестящий, предрешённый путь.

И теперь на этом пути возникла новая цель, которую тот вознамерился заполучить во что бы то ни стало. К тому же у этой «цели» на мочке уха красовался знак, столь ценимый императорской семьёй.

И сейчас это сокровище стояло перед ним, увлечённо свистя в бамбуковый лист и изо всех сил стараясь ему угодить.

Интересно, смотрит ли Гу Цзиньюй на Сяодуна так же, как все остальные?

Если да, то переманить к себе вещь, на которую положил глаз сам Гу Цзиньюй, будет чертовски весело.

— Я закончил! — Сяодун доиграл весёлый деревенский мотив и с улыбкой покрутил в руках измятый листок. — Как здорово. Оказывается, у вас в гостях я тоже могу делать то, что обычно запрещено.

— Если когда-нибудь тебе понадобится укрытие от невзгод, приходи сюда, — мягко произнёс Минья.

Сяодун на миг осёкся. В голове некстати всплыли утренние слова Фэнъэня о «попытках подняться повыше» и «падении вниз». Нет, он не хотел думать о корысти рядом с таким чистым, возвышенным человеком.

Молодой господин Су казался ему небожителем, свободным от мирской грязи и сословных предрассудков. Сяодун хотел быть ему другом — простым смертным, искренне восхищающимся прекрасным затворником, а не жалким просителем, ищущим покровительства

влиятельного господина.

Быстро прогнав дурные мысли, Сяодун широко улыбнулся:

— Впереди ещё много учебных дней! Если мне станет одиноко, я обязательно прибегу к вам поболтать.

Минья снисходительно улыбнулся, готовый терпеливо ждать его возвращения:

— Хорошо.

Сяодун во весь опор мчался к своим покоям. На нём всё ещё было лёгкое белое одеяние, подаренное Су Миньей, а своё прежнее платье с тяжёлой подвеской смирения он бережно прижимал к груди. Без этого мешающего украшения бежалось на удивление легко и свободно.

Стоило ему переступить порог, как Фэнъэнь окинул его странным, изучающим взглядом:

— Молодой господин, вы уже пообедали?

— Да, наелся досыта, — Сяодун потряс свёртком в руках. — Обедал у молодого господина Су. У них там такие строгие порядки, что мне даже пришлось переодеться. Фэнъэнь, сними, пожалуйста, эту подвеску с пояса. У меня после полудня боевые искусства...

— Ты обедал у него?

От внезапного холодного голоса за спиной Сяодун вздрогнул. Обернувшись, он увидел Гу Цзиньюя. Тот подпирал плечом дверной косяк внутренних покоев и с лёгким прищуром разглядывал его. Короткие пряди волос у лица едва заметно покачивались от сквозняка, придавая его облику дерзкий, решительный вид — разительный контраст с утончённой хрупкостью Су Миньи.

— Ой! — искренне обрадовался Сяодун. — Ты почему здесь?

Не дав Цзиньюю вставить ни слова, он засыпал его быстрыми, путанными вопросами:

— Ты разве не уехал в Западный сад процветания? Обедал? Ну и напугал же ты меня! Что утром подкрался незаметно, что сейчас... Как прошли эти три месяца на границе? Всё гладко? Утром слушал твои рассказы про армию и указы — аж мороз по коже!

Цзиньюй молча выслушал этот словесный поток, поморщился от шума и жестом велел Фэнъэню удалиться. Пройдя в комнату, он опустился на стул у окна. Сяодун тут же засеменил следом и примостился рядом, даже не догадавшись выпустить из рук охапку одежды.

— Юньцзи обмолвился, будто вчера тебя поколотили, — прервал его болтовню Цзиньюй. — Болит?

— Да пустяки, — Сяодун аккуратно сложил платье на коленях и попытался дотянуться рукой до лопатки. — Честно говоря, эта боль — ерунда по сравнению с тем, что устраивают Фэнъэнь с Фэнхуанем во время вытяжения костей. Вот это закаливание тела — настоящая пытка! Но, наверное, я уже просто привык. Раньше-то я был парень крепкий, а теперь и вовсе огрубел.

— Ты — крепкий?

— Ну да! — Сяодун мгновенно перескочил на другую тему и приложил ладонь к макушке, меряясь ростом. — Сэньцин, мы ведь так долго не виделись. Посмотри, я вырос? Столько мучений с костями не могли пройти даром! Пусть я всё ещё ниже тебя, но точно прибавил в росте. Ну же, похвали меня!

Цзиньюй недолго смотрел на него, а затем опустил ладонь ему на голову, слегка потрепав по волосам:

— Да, вырос.

Сяодун просиял:

— А на занятиях после полудня ты тоже будешь присутствовать, как утром?

— Скоро я вернусь в Западный сад процветания, — Цзиньюй убрал руку. — Отец вызывает.

Лицо Сяодуна разочарованно вытянулось, но он тут же упрямо тряхнул головкой:

— Тогда давай скорее поболтаем! Мы так давно не общались, я даже не знал, что ты уехал на окраину империи. Три месяца... Как ты там жил? И почему у тебя волосы такие короткие? В бою обрезали?

— Ты бываешь на редкость наблюдательным в самых неожиданных вещах, — Цзиньюй небрежно коснулся короткого хвоста на затылке. — Тогда мне чуть голову вместе с ними не снесли.

— Какой кошмар! — Сяодун испуганно округлил глаза. — Слава богу, что уцелел!

Цзиньюй не стал объяснять, что удар, лишивший его длинных волос, нанёс его старший брат Гу Пинхань. Во время этой поездки он столкнулся с воинами из цзянху, тесно связанными с приёмным отцом Сяодуна. Те забрали Чжан Дэнцина с собой.

Тогда же Цзиньюй предпринял безумную попытку сбежать из клана Гу и вернуться в вольный мир боевых искусств, где ему и было самое место. К несчастью, он не взял с собой Взгляда на север, верного скакуна, оставленного в конюшнях Гу. Простая армейская лошадь, на которую он сел, пала от изнурения уже на третий день пути.

Он опустил руку, повернулся к Сяодуну, чьи глаза горели неподдельным любопытством, и негромко, как бы невзначай спросил:

— Какая она была... моя настоящая мать?

Глаза Сяодуна вспыхнули ещё ярче. Ничуть не удивившись странному вопросу, он огляделся по сторонам и, придвинувшись к самому уху Цзиньюя, заговорщически прошептал:

— Батюшки, наконец-то! Я так долго ждал, когда ты сам согласишься о родителях.

— Разве ты не позабыл всё, что было с тобой до семи лет? — тихо усмехнулся Цзиньюй.

— Когда в прошлом году меня заперли в башне, она явилась мне во сне, — так же тихо поведал Сяодун. — Она была жуткой обжорой: смеялась до упаду, плакала навзрыд. Я даже подозреваю, что она пробралась в поместье Гу только потому, что здешние повара отменно готовили. Пряталась тут и таскала вкусоности прямо с кухни.

Цзиньюй снова улыбнулся:

— Вот как... А отец?

— А вот о нём я ничего не знаю, приёмный отец мне не рассказывал, — Сяодун легонько ткнул его локтем в бок. — Но посмотри на себя: статный, красивый, всё схватываешь на лету, к любому делу талант. Твой отец наверняка был каким-нибудь легендарным воином из цзянху, писанным красавцем. Найти его не составит труда.

— Глупые выводы, — Цзиньюй закинул ногу на соседний стул и оперся локтем о колено, приняв небрежную, свободную позу. — Князь и княгиня Чжэньбэй — люди выдающиеся, но ты совсем на них не похож. Как говорится, белая глина в чёрной грязи сама станет чёрной. Происхождение решает далеко не всё, человека формирует среда.

Сяодун мгновенно уловил скрытый смысл:

— Ого! Неужели ты на границе встретил кого-то из цзянху, кто связан с нами?

Цзиньюй поднял на него тяжёлый взгляд, вспоминая их ночной разговор с Чжан Дэнцином перед тем, как того увели.

"Не говори Сяодуну, что меня забрали, — просил его Чжан Дэнцин в ту ночь. — Скажи, что я ушёл в лагерь к Гу Пинханю. Он и так слишком за меня переживает"

"Я знаю, что семья Гу ему не место, — продолжал Дэнцин, качая головой. — Но посмотри вокруг: распри в цзянху ничуть не уступают жестокости столичной знати. Я могу вернуться в мир боевых искусств, а Сяодун — нет. Он с таким трудом вырвался оттуда. Он ещё слишком мал, и как бы плохо ни было в поместье Гу, здесь безопаснее, чем в тех краях, где он выживал до семи лет"

"Гу Цзиньюй, ты даже не представляешь, через какой ад он прошёл в детстве. Он сам этого не помнит, но мы с отцом помним каждую деталь. И это наш вечный долг перед ним"

"Но больше всего перед ним виноват ты. И только ты можешь искупить эту вину"

"Твоя единственная задача в этой жизни — уцепиться зубами за эту украденную судьбу, карабкаться на самый верх, стать опорой у престола и защитить Сяодуна любой ценой"

"В твоих жилах течёт кровь цзянху, но там для тебя нет места. Ты, как и Сяодун, зажат в узкой щели между миром боевых искусств и императорским двором. И во всём мире тебе не найти человека с такой же изломанной, похожей на твою судьбой"

"Никто не сможет вечно жить в этой тесной расщелине. Подумай об этом хорошенько, прежде чем в следующий раз решишь использовать Сяодуна в своих интригах"

— Гу Цзиньюй? Ну чего ты молчишь? — Сяодун легонько толкнул его плечом. — Повстречал каких-то удивительных людей?

Цзиньюй очнулся от воспоминаний и сухо усмехнулся:

— Просто наслушался пустых слухов.

— Ох, сколько же всего ты держишь в себе, — Сяодун мягко ткнул его в колено. — И ведь поделиться этим можешь только со мной. Если бы у тебя было больше времени, я бы проболтал с тобой три дня и три ночи. Мне столько нужно тебе рассказать.

— Говори о том, что происходит сейчас. Прошое не переписать, но будущее ещё можно изменить, — Цзиньюй наклонился и слегка соприкоснулся с ним лбом. — Как тебе в академии?

Не обижают?

— Ну, терпимо, — Сяодун весело боднул его в ответ. Этот детский, бесхитростный жест так грел душу, что он без утайки, в красках и с юмором выложил брату все свои мелкие невзгоды.

— Через это нужно пройти, — тихо произнёс Цзиньюй. — Вчера я отправил тебе шпильку через Кречета. Носи её почаще...

Сяодун внезапно придвинулся вплотную, всматриваясь в каждую чётточку его лица:

— А?

— Что? — Цзиньюй опустил глаза.

— Сэньцин, скажи честно: когда ты был компаньоном по учебе во дворе, тебя ведь тоже обижали?

В его голосе не было ни капли сомнения. Сяодун обладал удивительным даром сопереживать чужой боли, замечая её в тончайших мелочах, отчего у Цзиньюя тоскливо сжалось сердце. На лице мальчика застыло упрямое, по-детски наивное выражение: «Если они посмеют тронуть тебя, только скажи — я им задам!»

Цзиньюй долго и молча смотрел на него, прежде чем ответить:

— Это не называется «обижали». Всё, что происходит в стенах дворца, — высочайшая милость.

Сяодун лишь тихо вздохнул и мягко похлопал его по голове. Растеряв всё своё вечное красноречие, он не знал, какими словами утешить брата, а потому просто выразил свою поддержку через тёплые объятия.

Цзиньюй на мгновение замер, ощутив, как его плечи укутывает робкое тепло. В душе разлился непривычный покой. Он уткнулся лбом в плечо Сяодуна, мысленно взвешивая слова Чжан Дэнцина. Взвешивая снова и снова.

Сяодун легонько гладил его по спине, тихо приговаривая:

— Сучок, ты так и не рассказал, почему выбрал для меня имя Шаньцин? Что оно значит?

— «Шань» — это гора, а «Сэнь» в моём имени — густой лес. Одинокая гора и бескрайний бор. Вот и всё. Если бы имя тебе выбирал отец, он непременно дал бы какое-нибудь пошлое прозвище, отражающее его амбиции. Мать выбрала бы слащаво-изысканное имя в угоду

светским вкусам. А сам ты ни за что не придумал бы ничего веселее своего прежнего «Сяодун». Вот я и взял на себя смелость дать тебе это имя, чтобы подарить хоть немного свободы. И если тебе ненавистно это фальшивое имя и навязанная судьба — что ж, вини во всём меня одного. По крайней мере, при твоём нынешнем положении я единственный, кого ты можешь открыто ненавидеть.

Сяодун в изумлении отпрянул и заглянул ему в глаза:

— Ого, Сэньцин, это точно ты? Неужели ты говоришь со мной так откровенно? Поездка на границу явно пошла тебе на пользу! Смотри не напугай меня до смерти.

Цзиньюй лишь смотрел на него своими тёмными, бездонными глазами. На лице больше не было привычной маски вежливости — в них сквозили лишь холод, угрюмость и глухая усталость от этого мира.

Он снова опустил голову на плечо Сяодуна:

— Считаю, что так.

В груди Сяодуна словно запели весенние цикады. Ему безумно нравилась эта новая, непривычная искренность брата, лишённая всякой фальши. Вот она, настоящая братская близость!

Сяодун крепче обнял названного брата, слегка покачивая его из стороны в сторону, и тихо спросил:

— А почему ты вдруг решил отправиться на войну? Отец заставил?

— И да, и нет. Он приказал, но я и сам этого хотел. Мне нужно было своими глазами увидеть путь, который выбрал мой третий брат.

Сяодун весь обратился в слух. Он и раньше догадывался, какими сложными и запутанными были отношения между Цзиньюем и Гу Пинханем — там смешались восхищение, зависть, презрение и невольное родственное притяжение.

— Отец прекрасно понимал мои мысли. Он знал, что я наблюдаю и учусь, а потому отправил меня туда, чтобы я усвоил урок: как бы отчаянно ни бился третий брат, он всё равно остаётся пленником в золотой клетке клана Гу. Ему никогда не вырваться из неё. И отец через него показал мне, что любые мои мечты о побеге из этой паутины власти — не более чем глупые иллюзии.

Цзиньюй навалился на него всем телом, глухо прошептал:

— Шаньцин... сколько же времени нам придётся провести здесь, прежде чем мы наконец перерастём эту тоскливую безысходность?

Сяодун взволнованно приподнял его за плечи, заставив посмотреть на себя, и горячо воскликнул:

— Брат, мой дорогой брат!

Цзиньюй промолчал.

— Да чего тут бояться! — Сяодун крепко хлопнул его по плечу, отчего короткий хвост Цзиньюя смешно мотнулся. — Мы ведь молоды, времени у нас предостаточно! Будем тратить его столько, сколько потребуется. Главное — не сдаваться!

Цзиньюй посмотрел на него, и на губах его уже готова была появиться улыбка, когда за окном негромко застучал крыльями Кречет.

— Отец ждёт, — Цзиньюй поднялся, и в его облике снова сошлись юношеская стать и не по годам тяжёлая суровость. — Меня не будет около двух недель. Учись прилежно. Если здесь возникнут неприятности, сразу ищи управляющего Чжу.

Не уже шагнул к выходу, но вдруг резко развернулся, шагнул назад и крепко, до хруста в рёбрах, прижал Сяодуна к себе:

— Пользуйся той шпилькой, что я подарил. Если Фэнъэнь начнёт ворчать, прояви характер молодого господина — это пойдёт ему на пользу. И помни мои слова: держись подальше от Гэ Дунчэня. Если понадобится помощь — иди к Гуань Юньцзи.

И ещё... — Цзиньюй помрачнел, сжимая объятия почти до боли. — Держись как можно дальше от Су Миньи.

Жизнь Гу Сяодуна вошла в мирное русло. Возможно, благодаря тому, что Гэ Дунчэнь знатно проучил его обидчиков, Сяодуна больше никто не трогал. Внезапное затишье казалось даже непривычным.

Он всегда умел быстро приспосабливаться к любым обстоятельствам. Раньше, когда сверстники строили ему козни, он с азартом принимал вызов и каждое утро шёл в класс, готовый к весёлой словесной перепалке с недоброжелателями. Теперь же, когда его оставили в покое, он наконец смог расслабиться.

Но вскоре обнажилась другая проблема. Стоило нападкам прекратиться, как вокруг него образовался глухой вакуум. Сяодун оказался в полной изоляции. Одноклассники держались тесными группами, а его личные слуги упорно соблюдали сословную дистанцию и не поддерживали разговоров.

Он бы с радостью проводил время с Су Миньей, но тот из-за вечной болезненности часто пропускал занятия, к тому же строгий, ледяной наказ Цзинься перед отъездом не шёл у Сяодуна из головы, повергая в растерянность.

Не успел он привыкнуть к покою, как пришлось привыкать к удушливому одиночеству. Раньше Гэ Дунчэнь частенько крутился возле него на уроках боевых искусств, но теперь почему-то упрямо избегал встреч. Сам Сяодун навязываться не желал, а его робкие попытки заговорить с Гуань Юньцзи раз за разом разбивались о холодную стену высокомерия, оставляя лишь горечь в душе.

Эта невидимая стена отчуждения окружала Сяодуна целых полмесяца, с середины и до самого конца мая.

Для общительного мальчика жизнь в роли бесплотного призрака среди толпы была куда невыносимее, чем открытая вражда. Сяодун органически не выносил одиночества. Это не было напрямую связано с его прошлым заточением в тёмной башне — просто таков был его нрав. Сколько он себя помнил, он всегда стремился к людям, обожал шумные компании, заводил мимолётные знакомства и радовался простому человеческому теплу.

Сейчас же он чувствовал, что ещё немного — и он сойдёт с ума.

Поэтому, когда Гуань Юньцзи снизошёл до него и пригласил вместе провести майские каникулы, Сяодун согласился без малейших колебаний.

Ученикам академии полагался отдых каждые девять дней, и тридцатое мая как раз завершало весенний учебный круг.

В разгар удушливой летней жары кто-то из юношей предложил ненадолго покинуть Помесье князя Чжэньбэй и отправиться в знаменитую Башню Свечных Грёз, расположенную в Западном районе Чанло, чтобы развеять скуку после долгих дней упорной учёбы.

Едва услышав об этом от Гуань Юньцзи, Сяодун радостно закивал. Накануне поездки, двадцать девятого мая, после окончания всех уроков, половина учеников разъехалась по домам, а оставшаяся дюжина под присмотром слуг направилась в город.

По дороге Сяодун делил экипаж с Гуань Юньцзи. Выглянув в окно, он заметил едущего верхом Гэ Дунчэня и весело помахал ему рукой. Тот широко улыбнулся в ответ.

Сяодун повернулся к вечно хмурому попутчику:

— Брат Юньци, а эта Башня Свечных Грёз — обычный трактир?

Юньци, чьё настроение в последние дни было на редкость скверным, даже не повернул головы:

— Да. И когда приедем, просто ешь молча. Смотри не опозорься перед приличными людьми своей дремучестью.

— Понял-понял, я как раз проголодался, — весело напевая, Сяодун откинулся на спинку сиденья.

Прибыв на место, Сяодун с любопытством озирался по сторонам. Вопреки ожиданиям, заведение оказалось не шумным кабаком, а изысканной чайной обителью и театром одновременно. Роскошное убранство дышало негой и праздностью, слуги отличались редкой статью и привлекательностью, а общая атмосфера была полна утончённого, негромкого очарования.

Юньци снял просторный отдельный кабинет, где вся их компания из двенадцати молодых господ могла свободно повеселиться. Вырвавшись из строгих стен академии, юноши мгновенно растеряли всю спесь и охотно беседовали с Сяодуном. А ему больше ничего и не требовалось — лишь вкусная еда и хорошая компания.

Они шумно пировали около двух часов. Сяодун пригубил несколько чарок сладкого цветочного вина, отчего в голове приятно зашумело, а перед глазами поплыли забавные разноцветные круги. Когда сытые и довольные товарищи решили подняться на верхний ярус, где выступали танцовщицы, хмельной Сяодун послушно поплёлся следом, тихонько напевая под нос весёлую песенку.

Он шёл самым последним, ни о чём не тревожась — ведь прямо перед ним весело переговаривались его сокурсники.

Но стоило ему поравняться с одной из тёмных комнат, как дверь бесшумно распахнулась, чья-то сильная рука рванула его внутрь, и створка захлопнулась. В нос ударил густой, дурманящий аромат благовоний. Вокруг царил глухой мрак. Сяодун не успел даже вскрикнуть, как его глаза плотно завязали широкой шёлковой лентой.

Лишившись зрения, он на миг растерялся, решив, что это очередная жестокая шутка однокашников:

— Эй! Кто здесь? Что вы делаете? Опять драться лезете?

Над ухом раздался хриплый, негромкий смешок. Прежде чем Сяодун успел увернуться, его крепко сжали в объятиях и бесцеремонно усадили на чужие колени.

Он ошеломлённо застыл. Прошло несколько мгновений, прежде чем хмельной разум осознал всю дикость происходящего.

Сяодун попытался вырваться и забарабанил кулаками по державшему его наглецу:

— Послушайте, почтенный дядюшка или кем вы там мне приходитесь! Вы точно обознались! Отпустите меня, я вам не сын и не младший брат!

Договорить ему не дали — незнакомец резко приподнял его за подбородок и грубо впился в губы поцелуем.

Сяодун обомлел. В голове пронеслась шальная мысль: то ли это он сам так сильно опьянел, то ли этот безумец лишился рассудка. Но на губы настойчиво давили, пытаясь проникнуть языком за стиснутые зубы. Сяодун изо всех сил сжал челюсти и отчаянно забил ногами.

Поняв, что силой ничего не добиться, нападающий нехотя отстранился, но объятий не ослабил. Он прижался к горящему уху Сяодуна и, слегка прикусив мочку, прошептал низким, пугающе хриплым голосом:

— Тихо ты. Силы у меня предостаточно, и чем больше ты брыкаешься, тем сильнее меня заводишь. Будешь дёргаться — заживо тебя здесь поймею, понял?

У Сяодуна кровь хлынула к лицу. Дрожа всем телом, он попытался воззвать к здравому смыслу негодая:

— Да это же... это просто разбой! Отпустите меня! Я — Гу Шаньцин, родственник самого князя Чжэньбэя! Если вы посмеете тронуть меня пальцем, моя семья с вас шкуру спустит!

Мужчина лишь тихо рассмеялся, бесцеремонно сжав его тонкую талию своими лапищами, и процедил с угрозой:

— Сроду не слыхивал, чтобы у князя Чжэньбэя водились подобные родственники. Врать научись сначала, малец. И ты правда думаешь, что я собираюсь тебя бить? Дурак... я имел в виду, что я...

Следом сорвалось непристойное, грязное слово.

Сяодун и раньше слышал подобные ругательства на рыночных площадях, но там их выкрикивали в запале драки. Здесь же незнакомец шептал их ему на ухо с пугающей,

осязаемой серьёзностью.

В голове Сяодуна поднялся настоящий переполох: «Святые угодники! Солнце взошло на западе, куры начали нести золотые яйца, а Гу Цзинью превратился в девицу! Я, взрослый парень, попался в лапы настоящему, безумному извращенцу! Как у него вообще рука поднялась на такого заморыша? Ну и чудовище!»

Разбойник тем временем сильнее сжал его в объятиях и недовольно проворчал:

— Кто только научил тебя так бессовестно завлекать людей?

Сяодун окончательно пришёл в себя. Издав яростный боевой клич, он со всей силы откинул голову назад и протаранил лбом лицо обидчика.

Раздался глухой, сокрушительный удар.

Мерзавец глухо охнул и разжал руки. Сяодун кубарем скатился с его коленей на пол. Он судорожно пытался содрать с лица шёлковую ленту, но узел держался намертво:

— Проклятый извращенец! Завязал мёртвым узлом! Настоящий псих!

Боясь, что его снова схватят, Сяодун вслепую заметался по комнате и через пару шагов со всего размаху врезался в чью-то грудь. Мужчина покачнулся, но тут же мёртвой хваткой вцепился в плечи мальчика и резко прижал его к стене. Его дыхание было прерывистым и тяжёлым, словно он изо всех сил сдерживал ярость.

Сяодун интуитивно понял, что это не первый нападающий. Попытавшись перехватить держащие его руки, он взмолился:

— О почтенный воин! Я случайно на вас налетел! Здесь орудует безумный разбойник! Вы ведь благородный человек, помогите мне бежать! Я пришёл сюда с друзьями, я просто заблудился!

Его пальцы наткнулись на чужие ладони, сжимавшие его шею. Они были гладкими и совсем не крупными — скорее принадлежали его ровеснику. Но договорить ему не дали.

Незнакомец резко заломил его руки за спину, прижав к стене, и яростно, словно злейшего врага, укусил за заднюю часть шеи. Горячее дыхание опалило кожу у самых корней волос, заставив Сяодуна содрогнуться от ужаса.

Мальчик задрожал как осиновый лист. В мыслях пронеслось: «Всё, отпели мои соловьи! Какая нелёгкая дёрнула меня пойти сюда? Извращенцы ходят парами!»

Но нападавшему этого показалось мало. Он резко развернул Сяодуна лицом к себе и со злостью укусил в шею сбоку, упрямо и отчаянно прижимая его к себе. В этих объятиях сквозила безумная, почти плачущая обида.

Напоследок впившись в его кожу, юноша резко отпрянул, словно обжёгшись, и полусилой-полуволоком потащил Сяодуна к выходу. У самой двери он чем-то острым перерезал шёлковую ленту на его глазах, вытолкнул на порог и с грохотом захлопнул створку.

Лента скользнула к ногам. Ошарашенный Сяодун схватился за косяк, пытаясь удержать равновесие на ватных ногах. Стоило ему проморгаться, как за дверью раздался оглушительный грохот летящей мебели — судя по всему, двое безумцев внутри принялись яростно крушить всё подряд, выясняя отношения.

У Сяодуна не возникло ни малейшего желания требовать объяснений. С мыслью «Бежать отсюда, пока живой!» он бросился наутёк.

В незнакомом лабиринте коридоров он метался как испуганный заяц, чуть не ввалившись в чью-то купальню. Кое-как расспросив испуганного слугу, он наконец отыскал лестницу, которая в тот миг показалась ему прекраснее самого Гу Цзиньюя.

Скатившись по ступеням кубарем, он выскочил в просторный вестибюль первого этажа и нос к носу столкнулся с вошедшим в двери человеком. От неожиданности Сяодун запнулся и полетел бы на пол, если бы тот вовремя не подхватил его.

— Сяодун? А я как раз тебя ищу. Где ты пропадал? Все уже собрались уезжать, один ты сквозь землю провалился.

Сяодун судорожно вцепился в его рукава, поднял глаза и, узнав Гэ Дунчэня, без лишних слов уткнулся ему в грудь:

— Брат Дунчэнь!

Дунчэнь покачнулся от напора, но крепко обнял его, бережно похлопывая по спине:

— Что случилось? Не бойся. Уже поздно, поехали обратно в академию.

Сяодун лишь испуганно кивал, не выпуская его руку ни на мгновение.

Они забрались в экипаж. Сяодун всё ещё дрожал от пережитого страха и упрямо жался к плечу Дунчэня.

Когда тот ласково спросил, что стряслось, мальчик, запинаясь, выложил всю историю с двумя

сумасшедшими. А чтобы Дунчэнь не счёл это хмельной фантазией, неловко повернул шею, показывая багровые следы:

— Вот, посмотри! Этот псих искусал меня! Я же не свиная рулька какая-нибудь!

Дунчэнь опустил взгляд и осторожно, едва касаясь кончиками пальцев, провёл по горячей коже Сяодуна:

— Да, укусил знатно. След очень глубокий.

У Сяодуна от обиды выступили слёзы на глазах:

— Мир совсем сошёл с ума! Откуда только берутся такие бесстыжие извращенцы!

Прохладные пальцы Дунчэня медленно переместились к его затылку:

— Два укуса... Тебя искусили оба?

— Нет, кусался только один, а другой... — Сяодун запнулся, обиженно сопя, и со злостью забарабанил кулаками по стенке кареты.

— А другой что сделал? — вкрадчиво поинтересовался Дунчэнь. — Не бойся, расскажи. Не держи в себе, от этого только хуже.

Сяодун надул щёки, лицо его вспыхнуло пунцовым румянцем. Притянув Дунчэня за воротник поближе, он гневно зашептал ему на ухо:

— Тот, первый... он меня ударил!

Гэ Дунчэнь опешил.

— Как ударил?

Сяодун окончательно рассвирепел, яростно заплевал пол и выпалил:

— Хочу обратно в усадьбу, к Гу Цзиньюю!

— Зачем тебе Цзиньюй? — удивлённо приподнял бровь Дунчэнь.

Сяодун сердито утёр губы, совершенно не думая о том, как глупо звучат его слова:

— Я должен сказать ему спасибо! Если бы не его уроки, мой первый поцелуй достался бы какому-то проклятому извращенцу!

Гэ Дунчэнь лишился дара речи.

В это самое время Гу Цзиньюй, проводивший четырнадцатый день в заточении в тёмной башне, внезапно чихнул.

Он открыл глаза, но вокруг царил всё тот же непроглядный мрак, ничем не отличавшийся от темноты под сомкнутыми веками. Спустя мгновение он снова закрыл их.

<http://bllate.org/book/20609/2162688>